УДК 342 DOI: 10.22394/2074-7306-2020-1-2-87-96

ПРАВОВОЙ СТАТУС ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Никифоров Андрей Николаевич аспирант кафедры муниципального права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов (117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6).

Аннотация

В статье рассмотрена категория «правовой статус органа местного самоуправления» на предмет определения его сущности. Проведен анализ федерального законодательства в сфере определения правового статуса органов местного самоуправления и особенности его закрепления в законодательстве Красноярского края. Сделан вывод и предложены пути совершенствования законодательства Красноярского края.

Ключевые слова: *статус органов местного самоуправления, Красноярский края, право на местное самоуправление.*

Для определения эффективности функционирования системы органов местного самоуправления необходимо провести анализ их правового статуса. Именно правовой статус определяет модель поведения субъекта государственно-властных отношений, характер используемых им инструментов и место в системе органов публичной власти. Для характеристики правового статуса органов местного самоуправления Красноярского края и для поиска направлений повешения эффективности их функционирования путем изменения правовой базы необходимым является раскрытие сущности самой категории «правовой статус» (табл.). Это позволит определить механизм практического осуществления закрепленного на законодательном уровне объема правомочностей субъектов местного самоуправления.

Таблица

Научные подходы к определению понятия «правовой статус» по отношению к субъекту властных полномочий

Автор	Правовой статус – это
Н. И. Матузов	юридически закрепленное в Конституции и других нормативно-правовых актах положение субъекта в общественно-социальной и экономической среде [1, с. 181–187]
В. В. Лазарев, С. В. Липень	вся совокупность наделенных субъекту прав национальным законодательством [2, с. 572]
В. Н. Кивель	совокупность правовых императивов определяющих место субъекта в системе правоотношений [3, с. 158 –161]
Л. А. Козыревская	сложный правовой институт, характеризующий участника правоотношений в качестве самостоятельного субъекта права, раскрывающий его возможности, пределы и особенности взаимодействия этого субъекта с другими [4, с. 60 – 64].
Ю.А. Якимов	определяющий признак, отмечающий статичное положение субъекта в законодательно закрепленной модели его отношений с другими субъектами [5, с. 6.]

Таким образом, правовой статус органов местного самоуправления можно рассматривать в двух аспектах:

- как совокупность правомочностей возложенных на них законодательством для выполнения поставленных задач;
- как идентификатор места органов местного самоуправления в системе органов публичной власти.

Следует, однако, обратить внимание на мнение Л.А. Козыревской о том, что правовой статус любого субъекта публично-политических отношений – это статический набор или совокупность детерминированных на уровне закона прав и обязанностей. Поэтому идентифицировать место такого субъекта в системе отношений с другими участниками политических процессов возможно лишь в случае наделения его необходимым элементом динамики, который содержится в правосубъектности, т.е. способности реализовывать права и обязанности [4, с. 60 – 64]. В полной мере с такой точкой зрения нельзя согласиться. Например, С.В. Редких считает, что категория «правовой статус» соединяет в себе фундаментальные признаки, характеризующие субъект одновременно и в динамике правоотношений, и в его статичном положении относительно системы публично-правовых институтов [6, с. 42 – 44]. Подобный подход позволяет нам сделать вывод, что правовой статус органов местного самоуправления является совокупностью контуров, в пределах которых такой орган может реализовывать свои полномочия (правосубъектность) для достижения поставленных перед ним задач.

Однако подобный подход к определению правового статуса органа местного самоуправления загоняет нас в определенные рамки доктринального понимания места такого органа в системе отношений по реализации своих полномочий органами публичной власти, в то время как основной акцент должен быть установлен на его публично-правовой природе функционирования и властном характере полномочий.

В этой связи интересной представляется точка зрения О. В. Казаченковой, которая указывает, что «с учетом коллизионности действующего законодательства, регулирующего правовые и организационные принципы организации местного самоуправления, сложившейся правоприменительной практики, дискуссионности и активной обсуждаемости вопроса о статусе органов власти в юридической науке, представляется целесообразным уйти от наметившейся в российском праве тенденции, рассматривающей органы публично-правовых образований с гражданско-правовой точки зрения» [7, с. 32 – 40]. Однако А. А. Старовойтов отмечает, что при определении правового статуса органов местного самоуправления не «должно вводить в заблуждение и наличие у них юридически властных полномочий подчинять поведение населения, иных субъектов муниципальных правоотношений своим односторонним волеизъявлениям, исключающим юридическое равенство участников. Здесь определяющим является тот факт, что местное самоуправление является самостоятельным уровнем власти, но власти негосударственной – муниципальной» [8, с. 68]. Это дает основание утверждать, что правовой статус органов местного самоуправления имеет элементы, присущие статусу органа наделенного государственно-властными полномочиями. То есть отличительной чертой совокупности прав такого органа является императивный характер их реализации: не в большинстве случаев, но в ряде конкретных ситуаций, что четко закреплено на законодательном уровне. В этом суть полномочий, как элемента административно-правовых отношений, субъектом коих орган местного самоуправления является в первую очередь.

Вместе с тем, О.В. Казаченкова, опираясь на мнение О. Л. Савранской, приходит к выводу, что законодательное закрепление определения органов местного самоуправления не является настолько детерминированным, насколько этого требуют публично-правовые отношения в сфере местного самоуправления. Ученая утверждает, что формулировка нормы права, которой в ст. 2 ФЗ № 131-ФЗ закреплен подход законодателя

к идентификации органа местного самоуправления, не дает возможности четко установить наличие у них административно-правовой правосубъектности [7, с. 33; 9, с. 24]. При этом основным негативным последствием такой терминологической неопределенности является приравнивание правового статуса органа местного самоуправления к правовому статусу обычного субъекта хозяйствования, т.е. без наделения его властными полномочиями.

Нельзя сказать, что данная точка зрения устарела, поскольку муниципальная реформа, проводимая с 2014 года, в корне не меняет подход законодателя к определению правового статуса органов местного самоуправления.

В этой связи Л. Т. Чихладзе утверждает, что «местное самоуправление осуществляется в рамках собственных полномочий муниципальных органов власти, а местное управление – в пределах делегированных государством полномочий [10, с. 8 – 12]. Дальнейший анализ работ ученого позволяет сделать вывод о том, что он допускает возможность объединения или соединения правового статуса органа муниципальной власти и органа местного самоуправления в едином органе [11; 12;10]. Таким органом является институция публичной власти, номинально (на законодательном уровне) определенная как орган местного самоуправления, но по сути своей выполняющая и функции государства, делегированные ей от соответствующего органа государственной власти.

Соединение в одном субъекте элементов правового статуса органа местного самоуправления и органа муниципальной власти не является новеллой российского законодательства. Данная практика довольно широко распространена, но рассматривать ее следует только в контексте понимания правового статуса как совокупности прав и обязанностей соответствующего властно-управленческого субъекта. С этих позиций раскрывается статичность данной научной категории, ее научная миссия в определении пределов компетенций и полномочий рассматриваемого органа. Делегированные полномочия расширяют пределы научного познания сущности органов местного самоуправления в сфере реализации ими публично-властных функций. В то же время выполнение ими этих функций приводит к необходимости контроля над их деятельностью со стороны соответствующих государственных институций. Это дает все основания сделать тот самый ложный вывод о подотчетности и подконтрольности органов местного самоуправления государственному аппарату, их инклюзивности в систему государственной власти, как ее производной на региональном, территориальном или ином локальном уровне.

В. В. Еремян в этой связи делает интересный вывод, на основе анализа правового статуса и процесса эволюции органов местного самоуправления зарубежных стран. В частности, ученый утверждает, что «система органов местного управления традиционно централизована (но с элементами известной децентрализации, автономии) и строится в полном соответствии с административно-территориальным делением. Фундамент местного самоуправления составляют представительные органы, формируемые населением, но, несмотря на это, их правовой статус характеризуется сочетанием начала прямого государственного администрирования и местного самоуправления. Это дает все основания сделать вывод, что муниципальные органы считаются ведущим элементом местной публичной администрации» [13, с. 12 – 16].

Ученый делает акцент на демократичном пути формирования органов местного самоуправления, но при этом не исключает их участия в процессе государственного управления территориями. Происходит это то ли путем делегирования полномочий, то ли путем прямого закрепления на государственном уровне подконтрольности таких органов соответствующим институтам государства – не является существенным для определения их правового статуса.

Ключевым элементом является тот факт, что органы местного самоуправления осуществляют властные полномочия, они отождествляют собой власть, как социальный институт, а, следовательно, должны ограничиваться в пределах своих полномочий надежными правовыми рамками.

Такое ограничение, с одной стороны рассматривается как способ закрепления полномочий, но с другой – как механизм интеграции органов местного самоуправления в систему государственно-властных отношений, что формирует соответствующий контекст их деятельности. А это в свою очередь детализирует и их правовой статус.

Так, в соответствии с абз. 13 ч. 1 ст. 2 ФЗ № 131-ФЗ «органы местного самоуправления – избираемые непосредственно населением и (или) образуемые представительным органом муниципального образования органы, наделенные собственными полномочиями по решению вопросов местного значения»[1] . Это дает нам основания полагать, что совокупность субъектов местного самоуправления имеет определенную взаимосвязь. И если отталкиваться от реализации местного самоуправления как от права и отношений по его практическому осуществлению, то совершенно очевидно, что такая реализация предусматривает определенного рода взаимодействие между государством, гарантирующим его, и населением (территориальным сообществом), являющимся его носителем.

В этой связи показательной является норма ч. 1 ст. 157 Устава Красноярского края от 05.06.2008 года, в соответствии с которой «на территории края граждане реализуют свое право на осуществление местного самоуправления в муниципальных образованиях»[2]. Таким образом, муниципальное образование выводится на уровень исходного элемента в системе реализации права на местное самоуправление. Это подтверждается и ч. 2 ст. 157 Устава Красноярского края, а также положениями ч. 1 ст. 159, в соответствии с ч. 2 ст. 157 «организация местного самоуправления осуществляется в соответствии с общими принципами, установленными федеральным законом. В муниципальных образованиях города Норильска и Северо-Енисейского района местное самоуправление осуществляется с учетом особенностей, предусмотренных федеральным конституционным законом»[3]. При этом в ч. ст. 159 Устава Красноярского края отображено, что «полномочия муниципальных образований осуществляются опосредованно через соответствующие выборные и другие органы местного самоуправления»[4]. Данная правовая конструкция должна свидетельствовать о том, что органы местного самоуправления должны быть отделены от государства. Но если опираться на нормы ФЗ № 131-ФЗ, то следует сделать вывод о двоичной природе полномочий органов местного самоуправления: собственные полномочия, делегированные государством.

Последнее подтверждается и признается государством на законодательном уровне. В частности, речь идет о Законе Красноярского края «О наделении органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов края отдельными государственными полномочиями Красноярского края по реализации отдельных мер по обеспечению ограничения платы граждан за коммунальные услуги» от 01.12.2014 года № 7-2839[5], в соответствии с которым органы государственной власти наделяют рядом

---

[1] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 06.02.2019) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/

[2] Устав Красноярского края: Закон Красноярского края от 05.06.2008 г. № 5-1777 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.krskstate.ru/docs/0/doc/483

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] О наделении органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов края отдельными государственными полномочиями Красноярского края по реализации отдельных мер по обеспечению ограничения платы граждан за коммунальные услуги: Закон Красноярского края от 01.12.2014 года № 7-2839 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/423982214

полномочий соответствующие органы местного самоуправления, которые прямо не закреплены на законодательном уровне за муниципальными образованиями.

Анализируя теоретическую базу доктрины муниципального права на предмет определения сущности правового статуса органов местного самоуправления прежде всего следует обратить внимание на фундаментальные исследования И. В. Бабичева, который делает вывод, что орган местного самоуправления – это «субъект права, который законом уполномочен на осуществление деятельности по реализации собственной компетенции местного самоуправления» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**4, с. 4]. Подобное определение является совершенно объективным, но чрезвычайно общим, поскольку не отображает сущность правового статуса, а характеризует лишь общие черты детерминации субъектов местного самоуправления как участников государственно-властных отношений.

На основе анализа положений ч. 1 ст. 1 ФЗ № 131-ФЗ приходим к выводу, что местное самоуправление, прежде всего, является «формой осуществления народом своей власти, обеспечивающей… самостоятельное … решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, с учетом исторических и иных местных традиций»[1]. Упростив, таким образом, сложное определение местного самоуправления, мы вычленяем наиболее ключевые его компоненты: форму осуществления права на самоуправление, которая реализуется населением в пределах определенной территории путем непосредственной или представительской демократии (в данном случае –через органы местного самоуправления). Такая форма реализуется в рамках совершенно конкретных субъектов административно-правовых отношений, чей правовой статус и определяет объемы полномочий, компетенцию, характер реализации полномочий в сфере решения вопросов территориального, локального развития. Т. В. Савина акцентирует внимание на том, что органы местного самоуправления являются участниками публичных отношений в сфере реализации административно-распорядительных полномочий [15, с. 17-19].

Все описанное выше позволяет сделать ряд важнейших теоретико-методологических выводов в отношении сущности правового статуса органов местного самоуправления:

– правовой статус органов местного самоуправления закреплен на законодательном уровне, нормативно-правовыми актами трех уровней иерархии: Конституцией РФ, Федеральными и Федеральными конституционными законами; законодательными актами субъекта федерации (Уставом и законодательными актами Красноярского края). Такой сложный механизм закрепления правового статуса необходим для максимальной детализации характера компетенций органов местного самоуправления, а также для определения их места в системе административно-правовых отношений предметом которых выступает реализация комплекса полномочий по управлению территориями. Точнее, речь идет о распределении ролей и зон ответственности между органами государственной власти и органами местного самоуправления, а также определении характера отношений делегирования отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления. В последнем случае важен механизм распределения функциональной нагрузки между соответствующими органами, а также распределения материальных и финансовых ресурсов на осуществление делегированных полномочий;

– правовой статус включает в себя перечень прав, обязанностей и правомочностей органов местного самоуправления, а также механизм их реализации. Мы настаиваем на том, что правовой статус органов местного самоуправления – это категория, наделенная

[1] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 06.02.2019) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/

одинаково признаками динамичности и статичности, характеризующими пространственное положение органов местного самоуправления в системе публичного управления, а также способ их взаимодействия с другими субъектами административно-правовых отношений через практическую реализацию собственных и делегированных полномочий. При чем, механизмы эти рассматриваются отдельно для собственных и отдельно для делегированных полномочий. Вообще говоря, механизм делегирования является наиболее интересным объектом исследования, поскольку демонстрирует степень вовлеченности конкретного органа местного самоуправления в систему государственно-властных отношений. Это меняет природу и модусы поведения органов местного самоуправления, поскольку реализация функций государства, хоть и делегированных, предопределяет повышение императивности влияния таких органов на общественные отношения. Для самих же рассматриваемых органов более характерным является диспозитивный метод регулирования общественных отношений, поскольку они выражают волю местного сообщества и функционируют в качестве выразителя его суверенного права на решение вопросов местного значения и способ, который в наибольшей степени удовлетворяет интересы такого сообщества;

– правовой статус органов местного самоуправления должен быть максимально конкретным, а дискретность положений законодательства не должна создавать возможности для множественного трактования порядка и характера прав, обязанностей или способа их исполнения. Дискретность допустима только с точки зрения реализации органами местного самоуправления функций социальной направленности. Дискретность норм федерального законодательства должна компенсироваться конкретностью норм и положений законодательства субъектов Федерации. Этот тезис мы считаем определяющим для дальнейшего анализа современного состояния законодательного обеспечения системы местного самоуправления в Красноярском крае. Мы утверждаем, что в силу различия органов местного самоуправления по своему статусу и характеру исчерпывающе определить их полномочия и обязанности на уровне федерального законодательства не представляется ни возможным, ни целесообразным. Так или иначе, но правовой статус органов местного самоуправления должен включать в себя особенности, связанные с историческими традициями народовластия, территориальными и этнокультурными особенностями развития отдельных субъектов Федерации, а также особенности их административно-территориального устройства и характера экономических связей.

Таким образом, для полноты анализа правового статуса органов местного самоуправления необходимо провести анализ краевого законодательства в сфере местного самоуправления. Прежде всего, обращает на себя внимание Раздел VII Устава Красноярского края «Местное самоуправление в Крае». Однако системный анализ положений содержащихся в данном нормативно-правовом акте исключает возможность сделать вывод о сущности и содержании правового статуса органов местного самоуправления в Крае, за исключением ряда ключевых положений для всей системы организации местного самоуправления:

– ч. 1 ст. 159 Устава устанавливает, что «полномочия муниципальных образований осуществляются опосредованно, через соответствующие выборные и другие органы местного самоуправления»[1]. Таким образом, органы местного самоуправления являются выразителями полномочий муниципальных образований, а, следовательно, правовой статус таких органов является в определенном смысле производным от правового статуса соответствующих муниципальных образований, в котором отображаются особенности их функционирования;

[1] Устав Красноярского Края: Закон Красноярского края от 05.06.2008 г. № 5-1777 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.krskstate.ru/docs/0/doc/483

– ч. 2 ст.161 Устава закрепляет положение, в соответствии с которым «органы государственной власти края вправе осуществлять правовое регулирование местного самоуправления только в случаях и порядке, установленных федеральными законами, а исполнительно-распорядительные и контрольные полномочия – только в случаях и порядке, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними законами края»[1]. Таким образом, закрепляются пределы вмешательства органов государственной власти в порядок и характер реализации права на местное самоуправление соответствующими органами. То же самое касается и ч. 3 ст. 161, в которой ограничивается участие органов государственной власти и их должностных лиц в формировании органов местного самоуправления, за исключением тех случаев, когда это прямо определено на федеральном уровне[2];

– ст. 162 Устава позволяет органам государственной власти вмешиваться в дела органов местного самоуправления и своими распорядительными актами ограничивать полномочия последних, но исключительно в определенных федеральным законодательством случаях. Это и предыдущее положение характеризуют элемент правового статуса органов местного самоуправления Красноярского края, который отвечает за механизм взаимодействия таких органов с органами государственной власти в процессе реализации ими публично-властных функций;

– то же самое касается и ст. 163 Устава, в соответствии с которой «федеральными законами, законами края органы местного самоуправления на территории края могут наделяться отдельными государственными полномочиями»[3];

– в ст. 164 Устава определяется следующее: «в целях организации взаимодействия органов местного самоуправления, выражения и защиты общих интересов муниципальных образований образуются Совет муниципальных образований Красноярского края и Ассоциация по взаимодействию представительных органов государственной власти и местного самоуправления Красноярского края. Органы государственной власти края содействуют Совету муниципальных образований Красноярского края и Ассоциации по взаимодействию представительных органов государственной власти и местного самоуправления Красноярского края в реализации ими своих функций, направленных на представление интересов муниципальных образований в федеральных органах государственной власти и органах государственной власти края, организацию сотрудничества с общественными объединениями»[4]. По нашему убеждению, это ключевой элемент организационно-правовой интеграции органов местного самоуправления в механизм государства, где эти органы определяются в качестве продолжения ответвления публичной власти на муниципальном уровне. Вот только характер и правовой режим деятельности этих органов отвечает потребностям законодательства о местном самоуправлении, но результаты деятельности имплементируются в общую шкалу задач и целей государственного управления.

Следует отметить, что структурно механизм и устройство системы органов местного самоуправления не детализированы на уровне Устава Красноярского края, а специального комплексного краевого закона о местном самоуправлении в Красноярском крае нет. Вся совокупность законодательных актов Красноярского края, которыми регулируется местное самоуправление, кроме Устава включают в себя Закон Красноярского края «О выборах в органы местного самоуправления в Красноярском крае» от 02.10.2003 года

[1] Устав Красноярского Края: Закон Красноярского края от 05.06.2008 г. № 5-1777 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.krskstate.ru/docs/0/doc/483.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

№ 8-1411 (с изменениями на 23 мая 2019 года)[1](далее – Закон № 8-1411) и Закон Красноярского края «О некоторых вопросах организации органов местного самоуправления в Красноярском крае» от 01.12.2014 года № 7-2884 (с изменениями на 08.06.2017) (далее – Закон № 7-2884)[2]. Они охватывают собой лишь два аспекта осуществления местного самоуправления: порядок проведения выборов в органы местного самоуправления; порядком формирования отдельных органов местного самоуправления.

Вместе с тем, четкая детализированная структура органов местного самоуправления отсутствует в законодательстве Красноярского края. Отдельные фрагменты отображены лишь в ст. 158 –192 Устава, где среди прочего делается отсылка и к федеральному законодательству. Но в самом общем виде совокупность органов местного самоуправления Красноярского края представлена следующим образом: представительный орган муниципального образования, глава муниципального образования, местная администрация (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования), контрольно-счетный орган муниципального образования, иные органы местного самоуправления и выборные должностные лица местного самоуправления, т.е. субъектный состав отображает одну из возможных вариаций закрепленных в ФЗ № 131-ФЗ[3]. Данная структура по своему устройству и принципу организации является традиционной для субъектов федерации, но необходимо учитывать, что Уставом Красноярского края определено наличие ряда особенных по своему правовому статусу муниципальных образований, коими являются Таймырский Долгано-Ненецкий и Эвенкийский районы. Однако Закон Красноярского края от 7 июня 2004 года № 717-КЗ подобных особенностей не устанавливает и не детализирует, что является существенным упущением по нашему мнению.

Системный анализ положений федерального и краевого законодательства в сфере определения правого статуса органов местного самоуправления демонстрирует возможность определить данную научную категорию следующим образом: «совокупность законодательно установленных принципов организации органов местного самоуправления, объема и характера их собственных и делегированных полномочий, а также способа взаимодействия друг с другом и с органами государственной власти в процессе реализации таких полномочий»

Что же касается практического закрепления правового статуса в законодательстве Красноярского края, то следует отметить, что Устав Красноярского края дает лишь общее представление о системе органов местного самоуправления, выделяя ряд особенностей связанных с их функционированием, что объясняется особенностями статуса ряда муниципальных образований края. Вместе с тем детализация правового статуса таких органов не осуществляется на уровне Устава Красноярского края или краевого законодательства. Необходимость разработки и принятия отдельного законодательного акта обосновывается требованиями конкретизировать порядок создание и определение механизма их взаимодействия между собой и объем, и механизм наделения полномочий таких органов, в зависимости от их природы: собственные или делегированные. Подобный подход к локальному законотворчеству является традиционным в РФ, и это дополнительный аргумент в пользу необходимости уточнения целого ряда положений крае-

[1] О выборах в органы местного самоуправления в Красноярском крае: Закон Красноярского края от 02.10.2003 г. № 8-1411 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/985006252

[2] О некоторых вопросах организации органов местного самоуправления в красноярском крае: Закон Красноярского края от 01.12.2014 г. № 7-2884 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/423918140

[3] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 06.02.2019) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/

вого законодательства, что существенно отражается на эффективности реализации органами местного самоуправления полномочий, в том числе путем издания муниципальных актов, в которых отражается правоприменительная практика таких органов.

Литература

1. *Матузов Н. И., Малько А. В*. Теория государства и права : учебник. М., 2009. 245 с.
2. *Лазарев В. В.* Теория государства и права: учебник для бакалавров / В. В. Лазарев, С. В. Липень; Моск. гос. юрид. акад. им. О. Е. Кутафина. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2012. 634 с.
3. *Кивель В. Н*. Понятие правового статуса личности: вопросы теории / В. Н Кивель // Веснік БДУ. 2014. Сер. 3. С. 157 –162.
4. *Козыревская, Л. А*. Понятие и элементы гражданско-правового статуса юридического лица / Л. А. Козыревская // Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага універсітэта. 2003. № 1. С. 60 – 64.
5. *Якимов Ю. А*. Статус субъекта права (теоретические вопросы) // Государство и право. 2003. №4. С. 5-10.
6. *Редких С. В*. Понятие правового статуса: формально-правовой контекст / С. В. Редких // Пробелы в российском законодательстве. №3. 2009. С. 42 – 44.
7. *Казаченкова О. В*. Особенности правового статуса органов местного самоуправления: проблемы законодательной и правоприменительной практики / О. В. Казаченкова // Административное и муниципальное право. 2012. № 8. С. 31 – 42.
8. *Старовойтов А. А*. Об административно-правовом статусе органов местного самоуправления // Местное самоуправление: проблемы и перспективы. № 3 2006. С. 66 – 72.
9. *Савранская О. Л*. О вопросах местного самоуправления / О. Л. Савранская // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 3. С. 10 – 24.
10. *Чихладзе Л. Т.* Местное самоуправление в системе публичной власти в Российской Федерации / Л. Т. Чихладзе // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 171 – 174.
11. *Чихладзе Л. Т.* Новые тенденции формирования органов местного самоуправления в Российской Федерации / Л. Т. Чихладзе // Юридическая наука. 2017. № (1). С. 42 – 52.
12. *Чихладзе Л. Т*. Конституционные основы местного самоуправления в Российской Федерации / Л. Т. Чихладзе // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 5. С. 39 – 46.
13. *Булатов Ю. И*. Правовое обеспечение принципа финансовой самостоятельности местного самоуправления в Российской Федерации: автореферат дисс. к. ю. н. : 12.00.02 / Ю. И. Булатов. Челябинск, 2010. 23 с.
14. *Андреева Л. А.* Правовые акты органов местного самоуправления: форма и содержание / Л. А. Андреева // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. IX междунар. науч.-практ. конф. № 4(9). Новосибирск: СибАК, 2018. С. 29 – 39.
15. *Савина Т. В.* Правовое регулирование деятельности органов местного самоуправления в сфере образования: автореферат дисс.... канд. юридических наук : 12.00.02 / Белгород. гос. ун-т. Белгород, 2009. 22 с.

Nikiforov Andrey Nikolaevich, postgraduate student, Department of Municipal Law, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation).

LEGAL STATUS OF LOCAL GOVERNMENT BODIES KRASNOYARSK TERRITORY

Abstract

Legal background of the local government legal status was considered in order to determine its essential nature. Federal laws were analysed in the part that determined legal status of the local government bodies and the way it is specified in the laws of the Krasnoyarsk Territory. The results were summed up and some recommendations were made on possible ways to improve the Krasnoyarsk Territory legislation.

Key words: *local government legal status, Krasnoyarsk Territory, right of local self-government.*

References

1. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik. M., 2009. 245 p.
2. Lazarev V. V. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya bakalavrov / V. V. Lazarev, S. V. Li-pen'; Mosk. gos. yurid. akad. im. O. E. Kutafina. 4-e izd., pererab. i dop. Moskva: YUrajt, 2012. 634 p.
3. Kivel' V. N. Ponyatie pravovogo statusa lichnosti: voprosy teorii / V. N Kivel' // Vesnik BDU. 2014. Ser. 3. P. 157 –162.
4. Kozyrevskaya, L. A. Ponyatie i elementy grazhdansko-pravovogo statusa yuridicheskogo lica / L. A. Kozyrevskaya // Vesnik Belaruskaga dzyarzhaŭnaga ekanamichnaga universiteta. 2003. № 1. P. 60 – 64
5. YAkimov YU. A. Status sub"ekta prava (teoreticheskie voprosy) // Gosudarstvo i pravo. 2003. – №4. – P. 5-10
6. Redkih S. V. Ponyatie pravovogo statusa: formal'no-pravovoj kontekst / S. V. Redkih // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. №3. 2009. P. 42 – 44.
7. Kazachenkova O. V. Osobennosti pravovogo statusa organov mestnogo samoupravleniya: problemy zakonodatel'noj i pravoprimenitel'noj praktiki / O. V. Kazachenkova // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2012. № 8. P. 31 – 42
8. Starovojtov A. A. Ob administrativno-pravovom statuse organov mestnogo samoupravleniya / A. A. Starovojtov // Mestnoe samoupravlenie: problemy i perspektivy. № 3 2006. P. 66 – 72.
9. Savranskaya O. L. O voprosah mestnogo samoupravleniya / O. L. Savranskaya // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2006. № 3. P. 10 – 24.
10. CHihladze L. T. Mestnoe samoupravlenie v sisteme publichnoj vlasti v Rossijskoj Federacii / L. T. CHihladze // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 3. P. 171 – 174.
11. CHihladze L. T. Novye tendencii formirovaniya organov mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii / L. T. CHihladze // YUridicheskaya nauka. 2017. № (1). P. 42 – 52.
12. CHihladze L. T. Konstitucionnye osnovy mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii / L. T. CHihladze // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 5. P. 39 – 46.
13. Bulatov YU. I. Pravovoe obespechenie principa finansovoj samostoyatel'nosti mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii: avtoreferat diss. k. yu. n. : 12.00.02 / YU. I. Bulatov. CHelyabinsk, 2010. 23 p.
14. Andreeva L. A. Pravovye akty organov mestnogo samoupravleniya: forma i soderzhanie / L. A. Andreeva // Aktual'nye problemy yurisprudencii: sb. st. po mater. IX mezhdunar. nauch.-prakt. konf. № 4(9). Novosibirsk: SibAK, 2018. P. 29 – 39.
15. Savina T. V. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti organov mestnogo samoupravleniya v sfere obrazovaniya: avtoreferat diss.... kand. yuridicheskih nauk : 12.00.02 / Belgorod. gos. un-t. Belgorod, 2009. 22 p.